

Мир. газета, Москва, 1969, 30 мая

В Варшаве говорят, что этот спектакль посмотрела вся Польша. Так оно, верно, и есть. Как по камушкам, с предельным тождеством всей страной восстанавливалось разрушенное фашистами Старе-Място, исторический и архитектурный центр Варшавы, так песня за песней, строка за строкой собиралось это театральное представление, документальное свидетельство антифашистской борьбы польского народа.

Состоит спектакль из песен борьбы, песен партизанского подполья. Но кто в те страшные для страны годы не был так или иначе причастен к Сопротивлению? Кто не знал этих песен, не пытался их петь? К песням Сопротивления присоединены военные марши, солдатские песни, исполняемые в редкие минуты отдыха, на привале. Эти жили и раньше, но лишь в дни войны обрели свое истинное значение. И песни предвоенные, лирические, добрые тоже вошли в этот спектакль, со своей контрастной интонацией воспоминаний об утраченном.

Спектакль, который видела вся страна и который составлен из песен, известных всей стране, назван строкой из песни — «Сегодня я не могу к тебе прийти». Создал его два человека. Темперментный, стремительный Иренеуш Канчикий, творче-

ПЕСНИ МУЖЕСТВА И БОРЬБЫ

«СЕГОДНЯ Я НЕ МОГУ К ТЕБЕ ПРИЙТИ»
в постановке варшавского театра «Класычны»

ский руководитель варшавского театра «Класычны», и критик, теоретик театра Лех Бударчикий.

Впервые я видела спектакль-песню в Варшаве, в лютый мороз, когда столь знакомое нам по силузту высотное здание Дворца культуры и науки, в одном крыле которого уютно устроился театр «Класычны», тонуло в морозном мареве, и шпиль его казался далеким и хрупким. В небольшом зрительном зале, набитом до отказа, собрались и дамы в вечерних платьях, и мальчишки в джинсах. Но кто бы там ни был, восприятие было одинаковым. Спектакль шел на едином дыхании, и реакцией на него были дружные вздохи, общие слезы и восхищенные аплодисменты.

«Сегодня я не могу к тебе прийти» — ни на что не похожее представление. Это не воспроизведение этапов или событий партизанской борьбы. Хотя мы видим и

солдата на привале, и в иных эпизодах строчит пулемет, падают раненые. Это и не иллюстрация к тексту песни. Хотя порой во время пения разыгрываются волнующие сцены провожания мужчины в бой, сцены прощания, когда женщины в черных покрывалах образуют иконописную по строгости и четкости рисунка группу. Но нельзя же на самом-то деле иллюстрировать интуитивную песенку о том, как девушка, полюбив, потеряла сердце, а солдат его подобрал в походный ранец и пронес «сквозь дым и ветер». Или печальную — что павший боец воскреснет весной «теплым хлебом»...

Цель создателей спектакля заключалась в том, чтобы построить лаконичный, «синтетический» образ, воссоздающий все пережитое, связанное с партизанской песней, отражающей борьбу народа за независимость. Цель эта достигнута. Спектакль, не ил-

люстрирующий песни и не из них возникший, но из песен состоящий, движется, растет. Поразительные по режиссерскому мастерству сцены массовых солдатских построений, подсвеченные перемещающимися световыми лучами. Трагические сцены фашистской расправы, когда символом измученной, но не сломленной страны становится хрупкая девушка в изодранной черной одежде, упрямо поднимающаяся перед лицом врага. Жанровые зарисовки с припевками, вдруг завершающиеся сочным смехом. Незабываемые сцены расставания. И, наконец, торжество победы.

Огромную роль в эмоциональном воздействии спектакля играет изобразительное решение сценического пространства. Пол сцены может быть то холмистым, зеленым, то изображать дорогу в пыли, то пол тюремной камеры. Но боковые кулисы, задник — всегда одни и те же. Они закры-

ты крупным, выпуклым плетением ветвей, изломанных, скрюченных. Полуорнамент, полусимвол, декорация эта напоминает изображение деревьев в Дантовом «Аду» — на рисунках Доре.

Песня чередуется с документами. На фоне простых белых шитов (постепенно они начинают казаться стенами камеры-одиночки) актеры читают подлинные письма патриотов, замученных в застенках. Письма есть, а людей уже нет. Но письма не утрачивают с годами заряда любви и ненависти. И трудно даже представить себе волнение зрителей, слушающих паутинные погибших живым.

Первый раз я видела этот спектакль в Варшаве, и мне казалось: может, я захвачена общей реакцией зала? Может быть, доля успеха спектакля, для меня по крайней мере, — в точности этнографических подробностей?

Второй раз я видела спектакль на сцене московского Малого театра. Стечение публики было не меньшим. И, постепенно разгораясь, не менее восторженной была реакция зала. Живое и всегда меняющееся искусство театра постоянно преподносит подобные сюрризы — на этот раз еще звонче и отчетливее звучала тема патриотизма, героическая тема победившего народа.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ